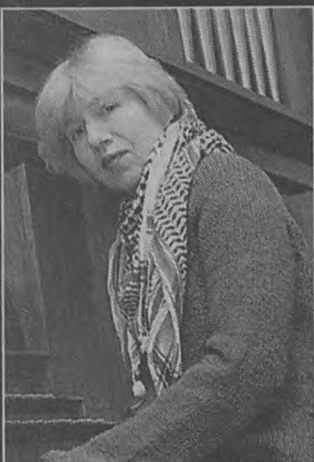

Я ИГРАЮ НА ОРГАНЕ

Иноземный инструмент
прижился в России

ОРГАН —
инструмент редкий.
Соответственно,
знаменитых
органистов
в мире гораздо
меньше, чем,
скажем, пианистов
или скрипачей.

Наталья СКЛЯРОВА

Это самый сложный инструмент из всех известных человечеству. В органе может быть до нескольких тысяч звучащих труб, деревянных и металлических, разного размера. Все они заключены в общий корпус, воздуховоды соединяют трубы с кафедрой управления. Органист играет и руками, и ногами. Помимо клавиатур использует десятки различных рычагов, педалей, кнопок... Можете себе представить степень концентрации внимания органиста и количество калорий, которые он теряет за концерт?

А если органист еще и женщина? Людмила ГОДУБ обзвонила с гастрольями весь мир. Участвует в самых крупных международных фестивалях. Она играет одна и дуэтом, с вокалистами, ансамблями, оркестрами...

Об органе Людмила (она не любит, когда ее называют по отчеству) может рассказывать часами.

— Трубы, которые мы видим в концертном зале, — это всего лишь малая часть органа. Они так и называются — фасадные. Иногда звучат, а иногда нет, или звучит только часть — остальные декоративные. Сам же орган — это огромное помещение, которого не видит слушатель. Большая часть труб — иногда их сотни — находится там. Самый большой орган в мире стоит в Америке, в Атлантик-Сити, во Дворце конгрессов. В нем более тридцати тысяч труб.

— Людмила, женщина-органист — большая редкость. Как вы дошли «до жизни такой»?

— Сначала, как и все органисты, училась на фортепиано, в школе, потом в училище при консерватории у известного фортепианного педагога Ларисы Васильевны Моель. Она была женой профессора по органу Леонида Исааковича Ройзмана. Я начала ходить на органные концерты, но заниматься органом стала достаточно поздно. В училище взяла всего несколько уроков, а в консерватории только к середине курса обучения на фортепиано занялась еще клавиесино и органом. Но к стати, фортепиано и клавиесин я не оставила.

— Для игры на органе нужна недюжинная физическая сила?

— Прежде всего должна быть координация. Хотя для игры на старых

В органе бывает более 30 000 труб, но основную часть слушатели не видят

органах и сила тоже нужна — на них клавиши довольно сложно «продать».

— А играть на старом органе и современном — не одно и то же?

— Да это абсолютно разные вещи! Похожих органов нет. Существуют барочные органы, романтические, в Америке в период немого кино появились киноорганы. Кроме того, немецкая школа органостроения сильно отличается от французской. Хотя не специалист определить эти различия ни на вид, ни на слух не сможет. В больших соборах бывает несколько органов. В Соборе Парижской Богоматери два органа, большой и маленький; в Кафедральном соборе в Зальцбурге — пять.

— Для чего так много?

— Большой орган все время «гонять» нельзя, его используют только на торжественных мессах. И для аккомпанемента он неудобен: звук «опаздывает», а солисты и хор иногда стоят далеко.

— В России не так много органов, как на Западе...

— В России нет органной традиции, орган у нас появился относительно недавно. Ведь орган — это принадлежность «иноверческой» церкви, в православных храмах его нет. К тому же в Советском Союзе религия вообще была под запретом... Этот же запрет, с другой стороны, подогревал интерес, и на органную музыку тогда же началась мода. В концертных залах органы начали устанавливать в основном в 60—70-е годы (раньше были единичные случаи: например, в Малом зале консерватории до революции стоял орган фирмы «Ладегаст», дар купца Хлудова. Это самый старый орган в России. В 59-м году его заменили на орган немецкой фирмы «Шуке». А хлудовский орган теперь находится в

музее Глинки, на нем иногда проводятся концерты). На Западе все несколько по-другому: органную музыку люди слышат с детства, когда ходят в церковь. Концерты тоже у них были всегда, и потому ажиотажа никогда не возникало. И органисты там репетируют в соборах, на настоящих органах. А у нас церквей с органами до сих пор мало, так что многие музыканты устанавливают себе орган в квартире.

— Наверное, дорогое удовольствие?

**Туда, где сидит органист,
другие люди не ходят.
Там даже аромат особый. Наверное, потому
органисты и сходят с ума...**

— Около тысячи долларов за регистр. В домашнем органе обычно от двух до четырех регистров.

— А соседи ничего, в стенку не стучат?

— Так он же небольшой! Звучит очень скромно. У меня муж на рояле играет — это гораздо хуже. «Домашний» орган не для «концертов», на нем просто удобно заниматься. Еще сейчас распространены электроорганы. У меня на даче такой стоит. На нем вообще можно играть с наушниками. Электроорган удобен для практики, он транспортбелен, но для концертов, конечно, не интересен... Хотя на Малой Грузинской в храме Непорочного Зачатия уже второй год стоит электроорган, и я люблю давать на нем концерты. Этот орган не совсем обычный — в нем не только колонки, но и трубы тоже есть. Всего полтора регистра, но за счет пре-

красной акустики он звучит хорошо. Кстати, настоящий орган туда уже привезли. Еще не установили, он лежит наверху в разобранном виде, идет монтаж.

— А много сейчас изготовителей органов?

— Орган — не штучная работа, а целое производство, этим занимаются целые фирмы. В Германии много известных фирм, крупных и мелких. Во Франции, Швейцарии, Англии, Америке... Существуют целые династии, которые занимаются органным делом... На

меч, категорически заявил, что в СССР — в стране атеизма — не может быть органного исполнительства.

— Игра на органе пробуждает религиозные чувства?

— Конечно же, нет. На мой взгляд. Но вообще органисты странные люди. Когда я попросила рассказать одного знакомого профессора Парижской консерватории о своих коллегах-органистах, он мне ответил, что никого из них не знает: они всегда держатся особняком. Они все «не от мира сего». Есть органный класс — и есть остальные инструменты. Органисты занимаются отдельно от всех, в церквях. Органисты играют «свою» музыку, у них свои критерии оценки игры. Они редко играют в ансамблях, в оркестрах. Мне кажется, это нехорошо. Мне, наоборот, всегда хотелось выступать с ансамблями и хорами — что я и делаю. Мой муж (мы с ним много путешествовали по Франции, и он знает многих органистов) шутит, что всех органистов можно поделить на две категории: слепые и сумасшедшие.

— В самом деле, много слепых органистов?

— Знаете азбуку для слепых, с выпуклыми буквами? Существуют такие же издания Баха, по ним и учатся.

— Да сколько ж времени уйдет, чтобы прочитывать такую партитуру!

— А слепым не нужно ее «читать», они практически сразу запоминают со слуха. Считается, что у слепых отсутствие зрения компенсируется другими органами чувств. Игра на органе — ярчайшее тому подтверждение. Из очень знаменитых органистов я могу назвать по крайней мере человек пять слепых. Луи Тири, знаменитый французский органист, ослеп в 12 лет, когда у него в руках разорвалась граната. Оторвало четвертый палец полностью и все верхние фаланги на правой руке. Говорят, он часто переносит партию правой руки в левую. Этот органист играет гениально! Я была на его концерте в Москве в Зале Чайковского. Ассистент вывел Тири на сцену, усадил на скамейку — и все. Он не только играл, но и сам менял себе регистровку (а ведь она меняется за концерт много раз). И кнопок на том органе больше ста. Причем их расположение он запомнил всего с одной репетиции. Если бы я не видела это своими глазами, ни за что бы не поверила... Знаменитый французский композитор конца XIX — начала XX века Вьерн, главный органист Нотр-Дам де Пари, был слепым от рождения. Он умер прямо в соборе во время службы. Сейчас его скамейка стоит рядом с органом как реликвия.

— Я была в Нотр-Дам, но скамейку нам не показывали...

— Так вы, наверное, внизу были? А-а, скамейка-то наверху! Это место для посвященных, там царствует органист. Другие люди туда не ходят. Там даже аромат особый... Наверное, потому органисты и сходят с ума...